

УДК 1(091):316.33

DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.069

**Проблематика идей и политико-правовых
институтов в освещении нарративного подхода**

Равочкин Никита Николаевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин,
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия,
650056, Российская Федерация, Кемерово, ул. Марковцева, 5;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Нескрябина Ольга Федоровна

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры журналистики,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, просп. Свободный, 79;
e-mail: nescr@mail.ru

Мусат Раиса Павловна

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры информационных технологий
в креативных и культурных индустриях,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, просп. Свободный, 79;
e-mail: lozraisa@yandex.ru

Князев Николай Алексеевич

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и социальных наук,
Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева,
660037, Российская Федерация, Красноярск,
просп. им. газеты «Красноярский рабочий», 31;
e-mail: knyazev@sibsau.ru

Аннотация

В статье рассматривается возможность изучения идейной детерминации функционирования и трансформаций политико-правовых институтов с позиции нарративного подхода. Актуальность определяется повышенным интересом современных социально-гуманитарных наук к «идейно ориентированным» исследованиям при достаточно слабой теоретической разработке потенциала нарративов в осуществлении

социальных преобразований в отечественном философском дискурсе. Цель статьи состоит в выявлении возможностей эффективного использования теоретико-методологических оснований нарративов в институциональных преобразованиях. Методология изучения мемориального пространства строится на взаимном дополнении познавательных возможностей общефилософских принципов и методов познания, а также социокультурного и социально-конструктивистского подходов. Авторы рассматривают основные характеристики нарратива, определяющие его отличия от других видов текстов, после чего характеризуют нарратив как интеллектуальный конструкт. Фиксируется трансформация политико-правовой реальности, которая при рассматриваемом подходе полностью конфигурируется нарративами, что определяет переход от рассмотрения их онтологических оснований к репрезентации их образа посредством повествования, в котором главная роль принадлежит автору-рассказчику. Также описывается смена особенности природы идей. Авторы предлагают использование полученных в данной статье результатов как методологической основы изучения идейной детерминации политико-правовых институциональных преобразований.

Для цитирования в научных исследованиях

Равочкин Н.Н., Нескрябина О.Ф., Мусат Р.П., Князев Н.А. Проблематика идей и политико-правовых институтов в освещении нарративного подхода // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 6А. С. 204-216. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.069

Ключевые слова

Идеи, институты, политико-правовые институты, нарратив, общество, идейная детерминация, история, дискурс.

Введение

Сегодня одним из востребованных направлений социальной философии являются «идейно ориентированные исследования», в которых авторы отходят от изучения собственно идеологий, выражающих интересы «различных отрядов буржуазии, промежуточных средних слоев, а также различных отрядов в рабочем движении» [Мировые политические идеологии..., www], к осмыслению отдельных идей и идейных модификаций, стараясь выявить их роль для общественной жизни. Рассмотрение множества идей как продуктов интеллектуальной деятельности в движении и развитии делает очевидным, что уже изначально их генезис связывается с задачами повседневной практики, а затем выходит на уровень осуществления масштабных социальных преобразований. В качестве одного из следствий современной нам постмодернистской философии является ее богатство на оригинальные концепции. Как указывает А.В. Савка, практически вся постмодернистская мысль «подчеркивает невозможность (в лучшем случае маловероятность) коллективного благополучия и в разных формах проповедует необходимость более индивидуалистичных основ общественного развития, неизбежность борьбы за выживание и анклавность благополучия» [Савка, 2006, 116].

В данном исследовании связь идейной и политико-правовой институциональной проблематики рассматривается с позиции нарративной концепции, которая предлагает понимать мир в качестве текста. Обращение к нарративному подходу представляется весьма

необходимым, поскольку в нем трактуется исторический процесс развития человека, затрагивающий все сферы бытия людей, в которых присутствуют различные политико-правовые феномены и обеспечивающие социальный порядок структуры, которыми и выступают институты [Stinchcombe, 1986]. Кроме того, в отечественной науке нарративы рассматриваются в большей степени как способ понимания текстов, в то время как зарубежные философы придают им значимость не только в «текстуальных аспектах», но и при организации социального бытия [Сыров, 2009].

«Нарратив» как категория и как интеллектуальный конструкт

Приближение к сути и возможностям заявленного подхода выглядит невозможным без обращения к «нарративу» как его центральному понятию, в котором фиксируется процессуальность самоосуществления в качестве способа бытия повествовательного текста [Можейко, www]. По нашему мнению, в предлагаемой М.А. Можейко трактовке нарратива в первую очередь можно уловить такие базовые характеристики нарратива, как «самодостаточность» и «самоценность». Любопытно, но еще в свое время Р. Барт отмечал, что основная цель упомянутой Можейко «процессуальности» повествования сосредоточивается вокруг так называемого «рассказа ради самого рассказа» [Барт, 1987], однако французский мыслитель, как нам кажется, недостаточно представил научному сообществу потенциал нарративов в аспекте их воздействия на социум. Говоря простыми словами, нарративом можно назвать повествовательный текст, главная цель которого очень напоминает нам первый вариант коммуникации в теории и практике связей с общественностью – информирование адресата о произошедших событиях. Напомним, что сегодня стандартная коммуникативная структура, помимо субъекта, содержания сообщения, средств передачи и объекта, должна учитывать обратную связь и представлять собой так называемую «двустороннюю симметричную модель».

Обратная связь является витальной по причине обращения к динамике идей, поскольку определенные идеи отмирают, теряются или утрачиваются на том или ином этапе исторического развития мирового социума. Те же идеи, которые отвечают потребностям и интересам определенных социальных сил, являются условием соответствующей социальной активности. Очевидно, что носители общественных отношений предстают в роли объектов, на которые производится определенное идейное воздействие, где опосредующую роль играет процесс их распространения на коллективно-общественное сознание, причем с использованием всего инструментария имеющихся средств, форм и методов в целях стимулирования адекватных социальных действий. При транслировании тех или иных идей различным социальным группам необходимо сосредоточивать внимание на их образе жизни, что включает в себя определенный вид и способ организации жизнедеятельности субъектов, определяющий, например, их уровень и особенности потребительских предпочтений, выполняемые функции, вытекающие из типа общества и конкретных социальных и культурных условий. Авторы считают, что алгоритмизация данного процесса ввиду ярко выраженной прагматической природы должна быть ориентирована на реализацию практических рекомендаций, которые имплементируются в системы управления и протекания этими процессами. Следовательно, достаточно остро стоит вопрос о разработке и постоянном пополнении необходимого инструментария, в котором привычные технологии идеологического общения и убеждения социальных групп дополняются креативными методами за счет индивидуальных усилий, инициатив и творческого начала

социальных технологов [Van Steenberghe, 1983]¹.

Сделаем важное замечание по поводу того, что всякий нарратив является текстом, но не всякий текст может быть принят в качестве нарратива ввиду отличий, имеющих в их сущностных характеристиках. Для прояснения этих различий обратимся к работе Н.В. Евстигнеевой и О.А. Оберемко. Эти авторы отмечают, что главным отличием нарратива от дескриптивного и экспозиторного текстов является наличие сюжетной линии [Евстигнеева, Оберемко, 2007]. Сюжет можно определить в качестве некоторой совокупности событий, расположенных в том порядке, согласно которому они представлены и рассказаны в произведении, т. е. «в той связи, в какой даны в произведении сообщения о них» [Томашевский, 1996, 180]. Примечателен порядок событий, поскольку в сюжетах достаточно часто встречается его несоответствие реальной истории. Тем не менее это противоречие снимается по требованию автора – рассказчика, который волен самостоятельно формировать сюжет и определять место каждому из событий в представляемой расположенности.

Если полностью соглашаться с аргументами Евстигнеевой и Оберемко, можно полагать, что главное отличие нарратива от какого-либо простого текста заключается в его скорейшем устремлении ознакомиться с авторскими методиками изучения предмета [Евстигнеева, Оберемко, 2007]. Рискнем предположить, что при таком подходе фактуальность предмета не имеет принципиального значения, следовательно, ее можно признать некоторым «фоном», лишь внешне характеризующим познавательный и онтологический моменты нарративности. Во главу угла ставятся сами способы рассказывания о чем-либо (освещение фактов), что позволяет определить нарратив как определенную степень рефлексии над действительностью.

Однако для нашего исследования более уместна позиция Е.С. Маслова, который при разграничении нарративов от не-нарративов предлагает обратиться к постановке цели, так как она «отделяет важное от неважного и тем создает возможность возникновения реального нарратива в противоположность нерасчлененной массе событий разного масштаба» [Маслов, 2015, 73]. Нарративистский подход предполагает необходимость их изучения не только в художественных, но и в теоретических и практических областях. Мы видим, что нарратив как повествовательный текст, наделенный определенными характеристиками, становится основанием для совершения вполне определенных действий: «В процессе осуществления действия “будущее” (впрочем, как и “прошлое”) не является некоторой отдельной ментальной картиной, которая к нему присоединяется. <...> Но если действие есть нечто осуществляемое, то “будущее” – это часть его реализации, воплощающая его направленность и завершенность, а не отдельный самостоятельный акт. При этом саму завершенность следует понимать не как сознательную направленность на результат действия» [Сыров, 2009, 43].

Понимая под нарративом некий интеллектуальный конструкт, нам представляется логичным привести его признаки. Так, к видному внешнему признаку можно отнести тот факт, что нарратив прямо или косвенно выделяет изменение состояния персонажа и/или ситуации в конце повествования по сравнению с его началом, что можно детально проследить при обращении к сюжету и фабуле [Калмыкова, 2012; Троцук, 2015]. Выше мы уже рассмотрели, чем является сюжет, поэтому отметим, что под фабулой принято понимать совокупность

---

¹ В данном случае авторы представили общепринятую для современной теории общественных отношений модель двусторонней коммуникации и свою интерпретацию воздействия идей, выступающих детерминантами социальных изменений, на коллективный объект.

хронологически связанных между собой событий, о которых сообщает автор в процессе повествования. Таким образом, в очередной раз подтверждается то, что именно автор (и только он) помещает события в единственно верный и «правильный» временной распорядок, нарушение которого неизбежно приведет к искажениям создаваемой им действительности.

В современной научной литературе особое внимание уделяется двум внутренним признакам нарратива – функционализму и нормативизму. Функционализм означает, что в зависимости от контекста каждый из структурных элементов нарратива и персонажи имеют определенные назначения внутри самого рассказа. При этом здесь возможны два варианта: 1) выполняемая одним и тем же персонажем функция может быть разной; 2) у разных по форме, но одинаковых по содержанию элементов рассказа функция может быть одинаковой. Под функцией в нарративе понимаются поступки какого-либо героя, которые имеют принципиальное значение для хода действия [Кутковая, 2014]. Именно функция детерминирует степень трансформации рассказчика, т. е. выполняет сущность нарратива. Применительно ко второму тезису следует сказать, что некоторые авторы выделяют структуру повествования, определяя для каждого из его элементов свою функцию, в результате чего становится возможным осуществление анализа повествования, который дает возможность понимания, изменение какой функции приведет к той или иной трансформации человека.

Переходя ко второй характеристике, стоит упомянуть, что очень заметно ее внутреннее выражение, однако, так или иначе, любые нормы и правила принимаются ввиду необходимости их практической реализации и, как следствие, их эффективность находит себя через внешнее проявление. Применительно к нарративам речь идет о том, что нормативы – это инструкции и требования, предъявляемые к повествователю в процессе передачи им смысла и значения того, о чем он говорит. Таким образом, логично трактовать нарратив как совокупность коммуникативных требований, определяющих правила и принципы организации повествовательного процесса. В связи с нормативизмом возникает предельно проблема единства коллективного и персонального. Стремительное развитие глобализирующегося общества меняет представления о коммуникации, что приводит к требованиям внедрения единых стандартов как оснований взаимодействия говорящего и слушающего. Такое положение дел позволяет нарративу стать своего рода посредником социальных взаимодействий «между личностными и обобщенными канонами культуры» [Брокмейер, Харре, 2000, 38].

Нарративы и политико-правовые институты

Практика осуществления власти становится одним из предметов изучения в рассматриваемом подходе, а сами политико-правовые институты являются не чем иным, как одним из условий, дающих возможности для осуществления соответствующего дискурса, конфигурированного посредством нарративных структур [Сыров, 2009]. В частности, необходимо отметить, что, например, создаваемые политические нарративы можно определить через несколько значений.

1. Тексты лозунгового типа, содержательно определяющие ключевые концепты данного дискурса. Актуальность предлагаемых таким нарративом концептов подтверждается, прежде всего, контекстуально, что позволяет понять принципы организации и трансформаций политико-правовых институтов в определенном культурном пространстве.
2. Совокупность разнородных в своей жанровой организации дискурсов, которые

сконцентрированы вокруг текущей обстановки. В этом случае мы имеем дело со сверхтекстом, который связывается с совокупностью политико-правовых институтов² либо конкретным установлением, предоставляя нам описания совершаемых вокруг них/него действий и/или происходящих с ними/ним изменений.

3. Тексты, возникающий в связи с определенным событием, делающие акцент на ситуативном характере его существования, что приводит к его одновременному прекращению вместе с той или иной ситуацией [Антонова, Руженцева, 2017, 44-45].

В освещении нарративного подхода политико-правовые институты понимаются как события, имеющие отношение к сфере осуществления власти, а соответствующий дискурс рассказывает об их существовании. Основная функция нарративов трансформируется в создание множества убеждений для заинтересованных потребителей информации об институтах политико-правовой сферы. Такой функционал отвечает уже упомянутым в начале исследования инструментам PR, которые через социальных технологов, отдельных политиков и/или благодаря различным движениям и организациям позволяют привлекать внимание к процессам идейной детерминации политико-правовых институтов. На практике подобное воздействие, осуществляемое, например, через восприятие продуцируемых СМИ символов, может поспособствовать актуализации у реципиента удовольствия, если в качестве цели закладывалось повышение привлекательности определенного институционального устройства либо делался акцент на значимости того или иного института. Во многом это отвечает постмодернистским концепциям, в которых утверждается, «что смысл (ценность) создается в процессе потребления, а не производства. <...> В процессе потребления производится образ “Я”, социальная идентичность, самоуважение, да и само физическое и психическое существование человека» [Фенько, 2005]. Данное умозаключение позволяет нам констатировать нарративный характер не только способов описания политико-правовой реальности, но и ее организации.

Следовательно, в нарративистском подходе речь преимущественно идет уже не о сущности политико-правовых институтов, но скорее о возможных вариантах их репрезентации для массового восприятия, что укореняется в техники работы с общественным мнением, для которой используются передовые PR-технологии. Это вполне соответствует тезису, в соответствии с которым политические нарративы становятся средством себя-позиционирования в мире, а также в исторической ретроспективе. В качестве аргумента приведем позицию М.А. Кукарцевой и З.Э. Валиевой, согласно которой сегодня новой проблемой становится сохранение знаний о событиях в исторической памяти. Дополнительное закрепление такого знания возможно через изучение нарративов как повествований, транслируемых непосредственно участниками различных событий. В процессе формирования нарративов субъекты описывают жизнь в выгодном свете для властных структур. Таким образом, существовавшие в определенный период времени политико-правовые институты становятся описываемыми субъектами исторической реальности, которые, с одной стороны, становятся участниками различных процессов, с другой – приобретают важные имиджевые характеристики

---

² Подробнее об этом см.: Равочкин Н.Н. Идейные основания современных политико-правовых институтов. Воронеж: Научное издательство Гусевых, 2019; Равочкин Н.Н. Синкретизм политики и права в институциональном проявлении: социально-философский анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. № 6. С. 35-39.

в сознании как представителей своего времени, культуры, общества, так и в исторической ретроспективе. Более того, нарративистский подход позволяет использовать превентивные способы создания имиджа [Кукарцева, Валиева, 2013].

Кукарцева и Валиева определяют нарратив как «инструмент связности и придания смысла, располагающийся за пределом юридических понятий суверенитета и независимости наций» [Там же, 102], что в очередной раз не только позволяет осмысливать институты с позиции сущностных характеристик, но и означает ситуативно-прагматическое наделение этих структур смыслов. Отсутствие постоянного содержания маркирует значение институтов в сильной контекстуальной привязке, да еще и с процессами осуществляемых субъектами рассказов. При этом принципиальной становится роль рассказчика, что связываем с необходимостью учета всевозможных условий, в которых он воспринимает политико-правовые институты, после чего излагает нарратив как его описание. Следовательно, одни и те же институты имеют множество самых разнообразных нарративных описаний, выступая, к примеру, в качестве средств формирования национального самоутверждения. Тем не менее особенности процессов восприятия нарративного описания политико-правовых институтов повышают рисковость столкновения интересов в случаях возникновения антагонистических отношений между трактовками и субъективного определения смысла, что превращает политико-правовую сферу в так называемое поле идейной борьбы.

Нарративы и идейная детерминация социальной организации

Немаловажной затрагиваемой проблемой в рамках нарративистской концепции становятся идеи. Традиционно считается, что формирование и транслирование интеллектуальных конструктов связаны главным образом с научной деятельностью, что включает в себя продуцирование знаний, а также их последующую передачу различными способами в форме обучения, передачи на производство, обмена информацией на научных конференциях и т. д. Напомним, что традиционные представления о научных теориях, методах и путях получения знания, оформленных позднее в идеи, сводятся к тому, что само знание представляет собой результат познавательной деятельности, выраженный в форме каких-либо установленных сведений о закономерностях развития природы, общества [Лехциер, 2013]. В таком случае получаемые и транслируемые идеи представляют собой информацию о существующих фактах, которая не может отклоняться от них, поскольку такое знание перестанет соответствовать действительности. Стоит отметить, что в рамках представленной концепции признается необходимость использования универсального языка для трансляции идей. В естественных науках таким языком признаются формулы, которые могут быть прочитаны любым человеком.

В социально-гуманитарных науках интеллектуальные идеи транслируются посредством текстов, причем содержание используемых понятий (по аналогии с естественными науками), как правило, достаточно четко определено, что в соответствии с логикой классического позитивизма предоставляет возможность унификации социальных феноменов. В нашем случае, благодаря единству понимания сущности политико-правовых институтов, оказывается возможным реализовать схожие институты рассматриваемой сферы в различных социальных системах и государствах. Иначе говоря, существующие модели и принципы построения государственности могут применяться для построения властных структур даже в тех обществах, где они не сформированы. Также авторы указывают на наличие возможностей заимствования государствами эффективных моделей институционального устройства, но строго при их

адаптации под собственный контекст, поскольку такая логика призывает учитывать региональные, национальные и иные особенности при переносе успешного опыта, что определяет детерминацию функционирования институтов идейными модификациями.

Нарративистский подход, как указывалось ранее, задает своеобразный императив – учитывать особенности субъективного существования источника знаний и любых интеллектуальных конструкций. Любые знания в рамках нарративистского подхода признаются в качестве результата деятельности конкретного «конденсированного» исследователя, а также условий, в которые он погружается и с помощью которых создает дискурс тех или иных идей. Таким образом, формирование и динамика интеллектуальных конструктов становятся возможными исключительно благодаря контексту, который и определяет их содержание, а также детерминирует последующее практическое применение. Такое изменение формирования идей влечет за собой трансформацию принципов научной деятельности и результатов. Напомним, что традиционный образ ученого предполагает определенные методические правила изложения научных идей, стратегии условий повествования, образ добродетельности и т. д. Однако, как показывает А.Г. Карабаева, «высокая степень обобщения принципов научного сообщества меняет отношение к компетентности и эффективности научной деятельности, стилистическим приемам и нормативному фону науки, в том числе к репутации и доверию в науке. Традиционные вопросы о типе научных высказываний и описаний затрагивают проблему адекватности и механизма передачи, рецепции знания, написанного и произнесенного, а также проблему риторики исследовательского повествования» [Карабаева, www].

Фундаментальные исследования, требующие определенного уровня подготовки для полноценного понимания их результатов, подвергаются сомнениям, что приводит к пересмотру моделей повествования как информирования и процессу формирования интеллектуальных идей. Нарративистский подход утверждает возможность перевода продуцирования идей из области фундаментальных разработок в область повествований. Сами интеллектуальные конструкты содержательно становятся результатом деятельности конкретного субъекта, переставая быть интеллектуальным выражением объективной действительности, и по большей части представляют собой результат предпочтений конкретного субъекта. Через интеллектуальную деятельность субъекта нарративы творят реальность, постулируя ее относительность, в результате чего происходит отказ от адекватности репрезентации действительности в форме устоявшихся результатов мыследеятельности. Самодостаточность нарративов предоставляет право каждому повествующему субъекту репрезентировать реальность в той форме, которую он считает для себя наиболее адекватной и полноценно отражающей его восприятие окружающей действительности. Проблемным в нарративистском подходе оказывается вопрос о сущности генерирующих идеи познающих субъектов, а также соответствия создаваемых ими интеллектуальных конструкций действительности. Вторая проблема решается путем допущения возможности формирования повествования в соответствии с интересами конкретных участников, что предоставляет возможности наполнять содержанием любые политико-правовые институты в той форме, которая полноценно отвечает требованиям со стороны тех или иных субъектов. Помимо этого, для выявления сущности нарратива и возможных практических действий необходим анализ языковой реальности [Мюрберг, 2016].

Что же касается проблемы сущности познающих субъектов, то она состоит в следующем: утрачивается традиционная идентичность акторов, что в конечном счете не позволяет придать фундаментальности содержанию повествователя нарратива [Волков, 2016]. Говоря простым

языком, идентичность субъекта познавательной деятельности как источника идей приобретает конструктивистский характер, также складывающийся в зависимости от контекста [Berger, Luckmann, 1967; Gamson, Modigliani, 1989].

Именно социальные условия определяют представления каждого субъекта о самом себе и, таким образом, дают основание формировать знание о себе, определяя свою принадлежность к определенным группам [Зайцева, 2016]. Социальный способ конструирования знания указывает на следующее: отныне не субъект определяет способы трансляции формируемых знаний и соответствующих им идей, но эти варианты распространения идей посредством коммуникаций детерминированы языковыми структурами. Выходит, что сущность интеллектуалов как познающих субъектов формируется в зависимости от социальной среды [Волков, 2018]. Аналогичным образом фундируется процесс формирования и динамики идей, подчеркивая их реляционную природу.

Налицо существование взаимовлияния социальных условий бытия интеллектуалов и идей. Социосфера конкретного общества способствует генезису идей, не имеющих по своему содержанию объективных, т. е. независимых от субъективного опыта, причин для своего формирования [Розов, 2016]. С другой стороны, идеи становятся инструментом организации социальных условий, в которых они существуют. Так, создание необходимых политико-правовых институтов становится лишь одним из условий генезиса идей, которые, в свою очередь, могут быть реализованы в политической в этой же сфере. Согласно логике нарративного подхода, политико-правовые институты – это результат целесообразных действий, которые создаются и трансформируются в зависимости от той или иной цели. Следовательно, функционирование институтов происходит в соответствии с последующими действиями, которые способствуют достижению цели, а затем – фиксации достигнутого результата. Не будем лишним раз подчеркивать значимость политико-правовых институтов, но позволим себе отметить, что они сообразовывают поведение людей в соответствии с принятыми в том или ином социуме нормами. Идеи, предлагаемые интеллектуалами, являются продуктами человеческого воображения и отражают их субъективные представления о совершенном способе регуляции поведения индивидов и наилучшей организации институтов для обеспечения социального порядка и выхода на эволюционный способ развития государства. Формирование институтов как «идейных продуктов» с позиции субъектов, реализующих интеллектуальные конструкты, не выглядит иллюзией: коллективный характер действий с позиции нарративов «обеспечивает более широкий пространственный охват и темпоральную протяженность социальных нарративов. Поэтому характер и смысл организации социальной действительности мы можем определять по характеру действий, а не по мнениям индивидов о себе» [Сыров, 2009, 46].

Заключение

Логика представителей нарративистского подхода состоит в преднамеренной элиминации фундаментализма в процессах идейной детерминации становления и трансформаций политико-правовых институтов, и при анализе обозначенных форм и способов реализации общественной жизни отчетливо видится ее смещение в сторону релятивизма. Можно констатировать, что изначально реализация нарративом своей роли осуществляется вне какой-либо конкретной функции. Однако нарратив все же формирует индивидуальные образы символической деятельности, проявляющиеся в политико-правовой сфере через плюрализм точек зрения

относительно состояния реальности, возникающих после определенного повествования. Завершенность событий, составляющих структуру нарратива («начало – середина – конец»), через осознание необходимости о целерациональной деятельности и устремлений создать анкерсмитовский «идеальный всеобъемлющий нарратив» – вот перманентный стимул для интеллектуалов, позволяющий им генерировать идеи и создавать концепции социальных преобразований.

Теоретико-прикладной аспект изучения нарративов проявляется через их возможности реализации множества задач, первичной из которых будет постижение взаимосвязей между микро-, мезо- и макроуровнями общества. Сделаем акцент о смещении фокуса с отдельных политико-правовых феноменов на процессы, протекающие в этих сферах. Нарративы помогают осознать, по каким принципам осуществляются процессы структурирования социальных систем, производства и воспроизводства социального как такового, и, конечно же, лучше понять природу происходящих в обществе трансформаций. Главным инструментальным преимуществом нарративов является широкий спектр способов познания контекстов, что позволяет дистанцироваться от онтологических оснований исследуемых объектов. Только в рамках контекста становятся понятными смыслы и характер организации политико-правовой сферы как результата проявления форм активности теоретиков и практиков.

Библиография

1. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
2. Антонова Ю.А., Руженцева Н.Б. Межнациональный околополитический нарратив в печатных и электронных СМИ // Политическая лингвистика. 2017. № 4. С. 44-52.
3. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 387-422.
4. Брокмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29-42.
5. Волков Д.Б. Нарративный подход как решение проблемы тождества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 4. С. 21-32.
6. Волков Д.Б. Преимущества нарративного подхода к проблеме тождества личности // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3. С. 166-175.
7. Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А. Модели анализа нарратива // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 4. С. 95-107.
8. Зайцева Ю.Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16: Психология. Педагогика. 2016. № 1. С. 118-136.
9. Калмыкова Е.С. Опыты исследования личной истории: научно-психологический и клинический подходы. М.: Когито-Центр, 2012. 192 с.
10. Карабаева А.Г. Нарратив в науке и образовании. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/karabaeva-ag/narrativ-v-nauke-i-obrazovanii>
11. Кукарцева М.А., Валиева З.Э. Политический нарратив – инструмент «формирования себя» в мировой политике // Обозреватель. 2013. № 4. С. 100-109.
12. Кутковая Е.С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. № 4. С. 23-33.
13. Лехциер В.Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1. С. 5-8.
14. Маслов Е.С. Нарратив и целеполагание: соотношение структуралистского и феноменологического подходов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 1. С. 66-75.
15. Мировые политические идеологии: понятие, структура и функции. URL: <http://kamunikat.org/download.php?item=3420-6.html&pubref=3420>
16. Можейко М.А. Нарратив. URL: <http://www.velikanov.ru/philosophy/narrativ.asp>
17. Мюрберг И.И. Нарративизм и социальная философия: к истории «нарративного поворота» в современном обществознании // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 4. С. 12-17.

18. Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. 344 с.
19. Савка А.В. Человек и общество в философии постмодерна // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2006. № 2. С. 115-128.
20. Сыров В.Н. К вопросу о нарративной природе социальной реальности и эпистемологическом статусе исторического нарратива // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3. С. 39-52.
21. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект пресс, 1996. 335 с.
22. Троцук И.В. Анализ текстовых данных в социологии: основания систематизации концептуальных моделей, методологических принципов и методических решений: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2015. 338 с.
23. Фенько А.Б. Люди и деньги: очерки психологии потребления. М.: Класс, 2005. 408 с.
24. Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality: a treatise in sociology of knowledge. Anchor, 1967. 249 p.
25. Gamson W.A., Modigliani A. Media discourse and public opinion on nuclear power: a constructionist approach // American journal of sociology. 1989. Vol. 95. No. 1 P. 1-37.
26. Stinchcombe A.L. Stratification and organization: selected papers. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 390 p.
27. Van Steenberghe B. The sociologist as social architect: a new task for macro-sociology? // Futures. 1983. Vol. 15. No. 5. P. 376-386.

Ideas and political and legal institutions in the light of the narrative approach

Nikita N. Ravochkin

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of humanities and legal disciplines,
Kuzbass State Agricultural Academy,
650056, 5, Markovtseva st., Kemerovo, Russian Federation;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Ol'ga F. Neskryabina

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor at the Department of journalism,
Siberian Federal University,
660041, 79, Svobodny av., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: nescr@mail.ru

Raisa P. Musat

Doctor of Philosophy,
Docent,
Professor at the Department of information technology in creative and cultural industries,
Siberian Federal University,
660041, 79, Svobodny av., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: lozraisa@yandex.ru

Nikolai A. Knyazev

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor at the Department of philosophy and social sciences,
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
660037, 31, Imeni gazety “Krasnoyarsky rabochy” av., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: knyazev@sibsau.ru

Abstract

The article considers the possibility of studying the ideological determination of the functioning and transformation of political and legal institutions from the perspective of the narrative approach. The relevance is determined by the increased interest of modern social sciences and humanities in “ideologically oriented” research with rather weak theoretical development of the potential of narratives in the implementation of social transformations in the domestic philosophical discourse. The article aims to identify opportunities for effective use of theoretical and methodological foundations of narratives in institutional transformations. The research methodology is based on the mutual complementation of the cognitive capabilities of general philosophical principles and methods of cognition, as well as sociocultural and socioconstructivist approaches. The authors reveal the main characteristics of the narrative, determining its differences from other types of texts, and then characterise the narrative as an intellectual construct. The article deals with the transformation of political and legal reality that is fully configured by narratives, which determines the transition from the consideration of their ontological foundations to the representation of their image through a narrative in which the narrator performs the central role, and describes the change in the nature of ideas. The results obtained in this article can be used as a methodological basis for studying the ideological determination of political and legal institutional transformations.

For citation

Ravochkin N.N., Neskryabina O.F., Musat R.P., Knyazev N.A. (2019) Problematika idei i politiko-pravovykh institutov v osveshchenii narrativnogo podkhoda [Ideas and political and legal institutions in the light of the narrative approach]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (6A), pp. 204-216. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.069

Keywords

Ideas, institutions, political and legal institutions, narrative, society, ideological determination, history, discourse.

References

1. Ankersmit F. (1983) Narrative logic: a semantic analysis of the historian's language. Den Haag: Nijhoff. (Russ. ed.: Ankersmit F. (2003) Narrativnaya logika. Semanticheskii analiz yazyka istorikov. Moscow: Ideya-Press Publ.)
2. Antonova Yu.A., Ruzhentseva N.B. (2017) Mezhnatsional'nyi okolopoliticheskii narrativ v pechatnykh i elektronnykh SMI [The international parapolitical narrative of print and electronic media]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 4, pp. 44-52.
3. Barthes R. (1981) L'analyse structurale du récit. Seuil. (Russ. ed.: Barthes R. (1987) Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovatel'nykh tekstov. In: Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX-XX vv.: traktaty, stat'i, esse [Foreign aesthetics and the theory of literature of the 19th and 20th centuries: treatises, articles, essays]. Moscow: Moscow State University, pp. 387-422.)
4. Berger P.L., Luckmann T. (1967) The social construction of reality: a treatise in sociology of knowledge. Anchor.
5. Brockmeier J., Harré R. (1997) Narrative: problems and promises of an alternative paradigm. *Research on language and social interaction*, 30 (4), pp. 263-283. (Russ. ed.: Brockmeier J., Harré R. (2000) Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoi al'ternativnoi paradigmy. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 3, pp. 29-42.)

6. Evstigneeva N.V., Oberemko O.A. (2007) Modeli analiza narrativa [Models of narrative analysis]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 4, pp. 95-107.
7. Fen'ko A.B. (2005) *Lyudi i den'gi: ocherki psikhologii potrebleniya* [People and money: essays on the psychology of consumption]. Moscow: Klass Publ.
8. Gamson W.A., Modigliani A. (1989) Media discourse and public opinion on nuclear power: a constructionist approach. *American journal of sociology*, 95 (1), pp. 1-37.
9. Kalmykova E.S. (2012) *Opyty issledovaniya lichnoi istorii: nauchno-psikhologicheskii i klinicheskii podkhody* [Research on personal history: scientific, psychological, and clinical approaches]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ.
10. Karabaeva A.G. *Narrativ v nauke i obrazovanii* [The narrative in science and education]. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/karabaeva-ag/narrativ-v-nauke-i-obrazovanii> [Accessed 25/12/19].
11. Kukartseva M.A., Valieva Z.E. (2013) Politicheskii narrative – instrument “formirovaniya sebya” v mirovoi politike [The political narrative as a tool for “shaping oneself” in world politics]. *Obozrevatel' [Observer]*, 4, pp. 100-109.
12. Kutkovaya E.S. (2014) *Narrativ v issledovanii identichnosti* [The narrative in research on identity]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National psychological journal], 4, pp. 23-33.
13. Lekhtsier V.L. (2013) *Narrativnyi povorot i aktual'nost' narrativnogo razuma* [The narrative turn and the relevance of the narrative mind]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniya kul'tury* [International journal of cultural research], 1, pp. 5-8.
14. Maslov E.S. (2015) *Narrativ i tselepolaganie: sootnoshenie strukturalistskogo i fenomenologicheskogo podkhodov* [The narrative and goal setting: the correlation between structuralist and phenomenological approaches]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Kazan State University. Series: Humanities], 157 (1), pp. 66-75.
15. *Mirovye politicheskie ideologii: ponyatie, struktura i funktsii* [The world's political ideologies: the concept, structure and functions]. Available at: <http://kamunikat.org/download.php?item=3420-6.html&pubref=3420> [Accessed 25/12/19].
16. Mozheiko M.A. *Narrativ* [The narrative]. Available at: <http://www.velikanov.ru/philosophy/narrativ.asp> [Accessed 25/12/19].
17. Myurberg I.I. (2016) *Narrativizm i sotsial'naya filosofiya: k istorii “narrativnogo povorota” v sovremennom obshchestvoznanii* [Narrativism and social philosophy: on the history of the “narrative turn” in modern social science]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities research in Eastern Siberia and the Far East], 4, pp. 12-17.
18. Rozov N.S. (2016) *Idei i intellektualy v potoke istorii: makrosotsiologiya filosofii, nauki i obrazovaniya* [Ideas and intellectuals in the flow of history: the macrosociology of philosophy, science, and education]. Novosibirsk: Manuskript Publ.
19. Savka A.V. (2006) *Chelovek i obshchestvo v filosofii postmoderna* [Man and society in postmodern philosophy]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Bulletin of the Russian State Social University], 2, pp. 115-128.
20. Stinchcombe A.L. (1986) *Stratification and organization: selected papers*. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Syrov V.N. (2009) *K voprosu o narrativnoi prirode sotsial'noi real'nosti i epistemologicheskome statuse istoricheskogo narrativa* [On the narrative nature of social reality and the epistemological status of the historical narrative]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 3, pp. 39-52.
22. Tomashevskii B.V. (1996) *Teoriya literatury. Poetika* [The theory of literature. Poetics]. Moscow: Aspekt press Publ.
23. Trotsuk I.V. (2015) *Analiz tekstovykh dannykh v sotsiologii: osnovaniya sistematizatsii kontseptual'nykh modelei, metodologicheskikh printsipov i metodicheskikh reshenii*. *Doct. Diss.* [Analysis of textual data in sociology: bases for systematisation of conceptual models, methodological principles and methodological solutions. Doct. Diss.] Moscow.
24. Van Steenberg B. (1983) The sociologist as social architect: a new task for macro-sociology? *Futures*, 15 (5), pp. 376-386.
25. Volkov D.B. (2016) *Narrativnyi podkhod kak reshenie problemy tozhdestva* [The narrative approach as a solution to the identity problem]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17: Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie* [Bulletin of Saint Petersburg University. Series 17: Philosophy. Conflictology. Cultural studies. Religious studies], 4, pp. 21-32.
26. Volkov D.B. (2018) *Preimushchestva narrativnogo podkhoda k probleme tozhdestva lichnosti* [The advantages of the narrative approach to the problem of identity]. *Filosofskii zhurnal* [Philosophy journal], 11 (3), pp. 166-175.
27. Zaitseva Yu.E. (2016) *Ya-narrativ kak instrument konstruirovaniya identichnosti: ekzistentsial'no-narrativnyi podkhod* [The first-person narrative as a tool for constructing identity: the existential-narrative approach]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Saint Petersburg University. Series 16: Psychology. Pedagogy], 1, pp. 118-136.